

премѣнно выживаетъ и непремѣнно получаетъ возможность исполнить свое назначеніе.

Для великихъ людей требуются великіе случаи; это особенно вѣрно въ политической исторіи. Наполеонъ — любимый, типическій геній для Жоли,—остался бы скромнымъ Бонапартомъ, еслибы его не выдвинулъ потокъ революціонныхъ событій; при мирномъ управленіи Людовика XVI, онъ дослужился бы, быть можетъ, до генеральскаго чина, или сохранилъ бы тѣсныя связи съ корсиканскими патриотами, мечтавшими объ отпаденіи отъ Франціи, или, наконецъ, пустился бы въ военныя приключенія въ далекихъ краяхъ,—и никто не зналъ бы, что въ этомъ человѣкѣ заключался матеріалъ для роли повелителя Европы. Мирабо приобрѣлъ свою славу только благодаря національному собранію 1789 года; блестящая плеяда ораторовъ и молодыхъ полководцевъ была бы неизвѣстна міру, ихъ имена замѣнились бы совѣтамъ другими, еслибы король и его совѣтники оказались на высотѣ положенія. Возьмемъ болѣе близкій къ намъ примѣръ: Гамбетта, — о которомъ Жоли совершенно не упоминаетъ въ своей книгѣ,—не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Франціи, еслибы ему не представился единственный въ своемъ родѣ случай показать необычайную силу своей энергіи и своего организаторскаго таланта, во время народной обороны 1870—71 годовъ; не будь осады Парижа и турецкой делегаціи, онъ былъ бы только знаменитымъ республиканскимъ ораторомъ и не считался бы воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ надеждъ французской націи, не обладалъ бы достаточнымъ авторитетомъ для успѣшной борьбы съ противниками республики и для образованія могущественнаго, сплоченнаго республиканскаго большинства, а безъ этихъ условій республика не водворилась бы во Франціи. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Природная гениальность далеко не всегда связана съ великою ролью въ исторіи; это двѣ различныя категоріи явленій, рѣдко совпадающія между собою.

Даровитые люди могутъ не имѣть успѣха; они часто принадлежать къ числу побѣжденныхъ. Объ этомъ забываетъ Жоли; онъ принимаетъ побѣду за необходимую принадлежность генія; для него могущество есть символъ величія, хотя бы оно достигалось не однимъ умственнымъ превосходствомъ, а другими болѣе осязательными средствами. Онъ полагаетъ, что „Ришелье изгналъ изъ области политики всѣхъ строившихъ ковы противъ него“, только потому, что они были слабѣе его по способностямъ и талантамъ (стр. 151); мы думаемъ, напротивъ, что самый даровитый противникъ Ришелье казался бы ему наиболѣе опаснымъ, и никакая гениальность не спасла бы соперника отъ мести всемогущаго кардинала. Авторъ устанавли-